
МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В.В. Пармонов

Кафедра государственного и муниципального управления
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Модель социальной политики, реализуемая в той или иной стране, целиком и полностью определяется особенностями существующей социально-экономической системы. Для стран, где экономика построена на основе социал-демократических подходов, наиболее характерна скандинавская модель социальной политики. В странах со сниженной ролью государства в экономике используется остаточный и институциональный типы социальной политики. Консервативно-корпоративистский тип социальной политики является отражением социального рыночного хозяйства. Россия ни в одну из этих моделей не вписывается, так как ее социально-экономическая система имеет довольно противоречивую структуру: черты раннего и позднего капитализма, кое-что от социалистического прошлого и можно даже найти некоторые характерные черты феодального общества. Это низкая заработная плата, самая высокая в мире дифференциация имущества и доходов, не соответствующая сегодняшним реалиям система обязательного социального страхования.

В качестве ориентира может быть выбрана Норвегия – страна, близкая к России по структуре экономики, также зависящая от экспорта. Во всем остальном они абсолютно непохожи. Норвегия – мировой и европейский лидер в социально-экономическом развитии. По мнению автора, объяснить такие результаты можно только наличием нормальной политической конкуренции, благодаря которой в процессе восходящего эволюционного развития учитывались интересы большинства основных групп населения.

Ключевые слова: социально-экономическая система, модель социальной политики, социальная сфера, поляризация доходов, политическая конкуренция.

Формирование модели социальной политики целиком и полностью определяется особенностями социально-экономической системы, характерной для того или иного государства. В скандинавских странах экономика функционирует на основе социал-демократического подхода, предполагающего значительное перераспределение доходов между различными группами населения, учет потребностей социально слабых слоев.

Для англосаксонских стран характерны остаточный (резидуальный) и институциональный типы социальной политики. Первый предполагает самостоятельное решение всех своих проблем. Обращение за помощью в государственные службы считается аномальным, помощь оказывается после проверки

обстоятельств и степени неспособности самостоятельно справиться со своими проблемами. Индивид может рассчитывать только на минимальную и временную помощь, так как получение чего-то большего ведет к потере социального статуса и унижению человека. В основе институционального типа лежат установленные законы, нормы и правила, в соответствии с которыми оказывается помощь. Обращение за помощью в государственные службы считается нормальным. Помощь носит по возможности превентивный профилактический характер, получить ее может каждый, не теряя при этом самоуважения.

На основе этих подходов разработано несколько классификаций моделей социальной политики. Одна из наиболее широко известных предложена шведским социологом Г. Эспинг-Андерсом [15. С. 37].

Неолиберальная (англо-американская или англосаксонская) модель характерна для демократических систем с ограничением роли государства в экономической жизни. В социально-экономической системе, отражением которой и является данная модель социальной политики, преобладают экономические методы регулирования. При этом социальная поддержка уязвимых слоев населения сочетается со стимулированием экономической активности других страт. Также считается обязательным оказывать социальную помощь нетрудоспособным, безработным и малоимущим. Двум последним категориям – на таком уровне, чтобы они искали работу.

Достоинство этой модели в том, что мотивируется трудовая активность, ответственность за себя и семью, развитие разнообразных негосударственных форм социального страхования и социальной поддержки усилиями некоммерческих организаций. Человек и группы людей выступают как социальные субъекты, государство же отказывается от патерналистских принципов. Государство в этой системе – гарант прав и свобод, соблюдения законов. Недостатком является высокий уровень дифференциации доходов и неравенство стартовых возможностей. По мнению Дж. Стиглица, у представителей бедных слоев шансы разбогатеть очень низки, и социальное расслоение может стать даже более значительным, чем в средневековой Европе, поскольку средний класс сокращается и беднеет [11. С. 42, 67].

В этой модели государство делает упор на поддержку тех, кто не может заработать. Считается, что функция социального развития отходит на второй план и во многом перекладывается на других субъектов. Тем не менее, нельзя отрицать усилий государства, направленных на создание предпосылок, благополучия населения, прежде всего повышения образовательного уровня. Государство поддерживает частные социальные инициативы. Таким образом, говорить о пренебрежении к социальной сфере в данной модели не оправдано.

Социал-демократическая, или скандинавская, модель социальной политики основана на том, что рынок и демократия органично сочетаются с государственными социальными гарантиями, источниками которых является высокое налогообложение. Право на социальные льготы имеют все граждане независимо от уровня доходов и трудового вклада.

Положительные стороны данной модели социальной политики заключаются в том, что она обеспечивает высокую социальную защищенность и устойчивую социальную стабильность. Негатив – в снижении трудовой активности и социальной ответственности человека. Возникают такие ситуации, что заметно выгоднее получать пособие по безработице, чем выполнять низкооплачиваемую работу. При этом растут налоги на высокие доходы и на бизнес, а это ведет к снижению деловой активности. И как реакция на это явление – снижение налогов.

В развитых странах остро стоит проблема учета в социальной политике как социальных требований, так и требований инновационного развития. Проблема решается ростом инвестиций в человеческий капитал. В качестве примера можно рассмотреть модель социальной политики Норвегии, отражающей особенности ее социально-экономической системы. В ее основе лежит сочетание господствующей роли в экономике частнокапиталистического диверсифицированного сектора с очень значительным государственным регулированием и перераспределением доходов. Это дает возможность обеспечить стабильные социальные гарантии, финансовой основой которых является использование рентных доходов от добычи и экспорта нефти. Благодаря этому обеспечивается стабильность социальных расходов государства.

В Норвегии медицинское обслуживание в основном бесплатное, и организации здравоохранения принадлежат государству. Обязательное социальное страхование охватывает всех граждан страны, а также иностранных граждан, имеющих вид на жительство и проживших в Норвегии не менее года. На каждого ребенка до 18 лет выплачивается пособие. Полное среднее образование в государственных школах бесплатное, а стоимость обучения в государственных вузах минимальна. При этом Государственный ссудный фонд предоставляет молодым людям под низкий процент кредиты для обучения за границей.

Именно благодаря хорошо сбалансированной социальной политике Норвегия относится к числу стран с наиболее высоким уровнем жизни и чуть ли не с начала 2000-х ежегодно занимает первое место среди стран с очень высоким развитием человеческого потенциала. При этом в Норвегии, как и в других скандинавских странах, децильный коэффициент – в пределах 5,1–5,7 [12].

Консервативно-корпоративистская (франко-германская) модель, сформировавшаяся на основе модели социального рыночного хозяйства ФРГ. Среди стран с подобной социальной системой – Германия, Франция, Италия, Бельгия, Австрия. В основе их социальной политики лежит сочетание свободы и порядка, экономической эффективности и социальной справедливости в социально-экономической системе. Как отмечал Л. Эрхард, порядок без свободы порождает принуждение, а свобода без порядка – хаос [13. С. 130].

Государство должно обеспечивать каждому человеку экономическую и социальную безопасность. Это означает обязанность государства создавать ус-

ловия, при которых все, кто может, обеспечивают себя сами. В то же время оно помогает тем, кто не в состоянии позаботиться о себе.

Основным конструктивным элементом этой модели социальной политики является обязательное социальное страхование, в котором участвуют работники и работодатель. Нетрудоспособные и малообеспеченные получают помощь в виде государственных социальных пособий, а также за счет муниципальных, благотворительных и религиозных организаций. В рамках этой модели главной задачей государства является эффективное использование социальных инвестиций. Эта модель поддерживает эволюцию развития социально-экономической системы как в интересах экономического роста, так и в интересах социальной политики.

По своим наиболее характерным признакам российская модель социальной политики не вписывается в классификацию Г. Эспинг-Андерса. И это не удивительно. Российская социально-экономическая система, по мнению известных экономистов А. Бузгалина и А. Колганова, представляет собой модель позднего капитализма полупериферийного типа, специфику которой «составляет господство отношений корпоративно-бюрократического отчуждения и присвоения. Они основаны на присвоении корпоративно-государственной номенклатурой (так называемыми инсайдерами) ключевых прав собственности, принадлежащих господствующим в России экономическим агентам – государственным и частным корпорациям (по преимуществу сырьевым и частным)» [3].

Подобное перераспределение прав собственности позволяет указанным агентам присваивать часть доходов собственников (доверительное управление); часть заработной платы рядовых работников; часть доходов государства путем укрытия их от налогов; также присваивается часть амортизации корпораций, чем в определенной степени объясняется низкая инвестиционная активность.

Присваиваемое корпоративно-бюрократической «номенклатурой» в научной литературе получило название «инсайдерская рента» [3]. Под этим понимается краткосрочный доход, извлекаемый крупными инсайдерами из контроля над финансовыми потоками предприятия.

Что касается инсайдеров, то в России сложился специфический тип корпоративного управления, когда власть на предприятии сконцентрирована в руках узкой группы лиц, часто занимающих положение и стратегических собственников, и топ-менеджеров. В то же время остальные заинтересованные в деятельности фирмы группы – мелкие акционеры, рабочие и управленцы – лишены влияния на корпоративное управление.

Подобные отношения характерны для российских предприятий различных видов собственности: открытых и закрытых акционерных обществ, государственных предприятий и организаций смешанного типа. Как правило, среди них выделяется доминирующая группа, создающая инфраструктуру

контроля. Для обозначения подобных групп в отечественной литературе и принят термин «крупные инсайдеры».

В западной литературе по корпоративному управлению под инсайдерами понимаются те, кто влияет на корпоративное управление. В России, как сказано, к ним могут быть отнесены лишь те, кто располагает инфраструктурой контроля [3].

По мнению Р. Гринберга, на первоначальном этапе российская социально-экономическая система имела ярко выраженные черты «анархо-либерального капитализма». Объяснялось это тем, что одна экономическая система исчезла, а новая еще не сформировалась и «стала создаваться в результате отмены всех ограничений, т.е. без институтов, без правил и без морали» [4].

П. Савченко и М. Федорова считают, что в стратегии развития социально-экономической системы России существует два подхода: первый преимущественно рыночный (неолиберальный), второй – преимущественно административный (мобилизационный) [10].

По разному выделяя наиболее характерные черты российской социально-экономической системы, все вышеуказанные авторы приходят к одному неутешительному выводу – становление новой экономики привело к мощнейшей дифференциации, к поляризации населения по уровню доходов. Как пишет Р. Гринберг: «Если Маргарет Тэтчер провозгласила лозунг “Да здравствует неравенство”, то мы реализовали его так, как ей и не снилось. Если в советские времена доходы высокооплачиваемых граждан только в 3–4 раза превышали доходы низкооплачиваемых, то сразу после «шоковой терапии» разрыв достиг 10–12 раз, а сегодня достигает 16. Практически неограниченная игра рыночных сил привела к тому, что слишком мало людей в стране имеют слишком много, а остальные лишь выживают» [4].

В то же время практический опыт развитых стран показывает, что такой гигантский разрыв в доходах различных групп населения отрицательно влияет на экономический рост. Польский экономист с мировым именем Г. Колодко пишет: «Соотношение доходов имеет принципиальное значение для долгосрочного хозяйственного роста. В частности, ему способствует равномерное их распределение. Этот вывод сделан на основе сравнительных исследований, охвативших длительные временные отрезки, и не подлежит сомнению. Экономический рост имеет более устойчивый характер в странах с относительно низкой степенью неравномерности в распределении доходов. Более того, соотношения в распределении доходов имели там более весомое значение для хозяйственной динамики, чем либерализация торговли и качество политических институтов. Уже одно это показывает, на что политика развития должна обращать особое внимание» [4].

Таким образом, в нашей стране сформировалась социально-экономическая система, воссоздавшая некоторые черты раннего капитализма (резкая поляризация доходов населения), также получившая кое-что в наследство от социализма (система обязательного социального страхования, сохранившего

некоторые его родовые черты, в том числе и низкую заработную плату) и, на наш взгляд, даже кое-что от феодализма – сословность. Речь вполне может идти о высшем слое чиновничества, которое следует называть элитой. По определению, даваемому в словарях – это «наиболее заметные представители общества, обеспечивающие его культурный, научный и нравственный потенциал» [2]. Однако почти абсолютная его неприкасаемость, наличие банковских счетов за границей, реализуемое стремление обеспечить своим детям теплые места в самой верхней страте – все это позволяет говорить о них как о новом сословии.

Если рассматривать российскую социально-экономическую систему с точки зрения распределения имущества и доходов, то это аналог Северо-Американских Соединенных Штатов (САСШ) 1900 г.: «Всего лишь 2% семей принадлежало более 1/3 всех богатств, а 10% семей владели $\frac{3}{4}$ всего национального достояния страны» [5]. Современная Россия перещеголяла по этим показателям не только САСШ 1900 г., но и все сегодняшние развитые и развивающиеся страны мира. По данным Global Wealth Report (октябрь 2012 г.), Россия заняла первое место среди крупных стран по неравенству распределения богатства. По оценке авторов доклада, на долю 1% самых богатых россиян приходится 71% всех личных активов нашей страны. В следующих за Россией крупных странах Индии и Индонезии 1% богачей владеет 49% и 46% всего личного богатства. В мире в целом этот показатель равен 46%, в Африке – 44%, в США – 37%, в КНР и в Европе – 32%, в Японии – 17%. Мировым лидером Россия является и по доле самых состоятельных 5% населения, которые владеют 82,5% всего национального богатства, а на самых состоятельных 10% населения приходится 87,6% всего национального богатства [6. С. 14].

Наряду с инсайдерской рентой причиной такого вопиющего неравенства является сохраняющаяся уже более 10 лет плоская шкала подоходного налога. Наши руководители в качестве главного аргумента в ее пользу утверждают, что в противном случае доходы уйдут в «тень» и собираемость подоходного налога значительно снизится. Такие доводы говорят скорее о бессилии или же о нежелании создать эффективную систему сбора налогов. На фоне успешно функционирующих фискальных систем развитых стран подобные высказывания можно полностью отнести на счет второй причины. И уж совсем неважно смотрится наша российская налоговая система на фоне того факта, что в Китае с физических лиц, имеющих доходы ниже 500 американских долларов, походный налог вообще не взимается. В тоже время богатые платят налоги по прогрессивной шкале с самой высокой ставкой в 40% [4].

Второй важнейший элемент, обеспечивающий более менее гармоничное социальное развитие во всех социальных моделях передовых государств – гражданское общество. В России его институты только формируются, причем пытаются сделать это не естественным путем, а сверху вниз. Примером может служить создание Общественной палаты. К этому есть определенные

основания – ментальность основной массы россиян в определенной степени зиждется на постулате: «Государство обязано». Причем это касается не только старшего и среднего поколений, но и молодых. Надо сказать, что государство и само дает повод для формирования подобных настроений. Безусловно, к этому были и есть объективные и субъективные причины:

- очень низкая заработная плата;
- инерция мышления, благодаря которой система социального страхования, созданная, по сути дела, на базе советской системы социального обеспечения, приобрела ее родовые черты.

Во всех странах наемный работник на паритетных началах с собственником средств производства через определенные отчисления от заработной платы участвует в формировании своей будущей пенсии, всех видов социальных пособий и права на медицинское обслуживание. В России пошли по пути введения единого социального налога (сегодня это социальные страховые взносы), который никоим образом не затрагивает непосредственные интересы работника: ведь из его личного кошелька на первый взгляд ничего не убывает. И, естественно, что его особо не беспокоит ни будущая пенсия, ни проблема оплаты медицинского обслуживания, ни лечебные пособия. Создается та же иллюзия бесплатности социальных услуг, которая была характерна для советских времен. Но никто не задумывается, что он на каждом шагу, оплачивая бытовые услуги, приобретая самые различные товары через систему обязательного социального страхования, делает взносы в три внебюджетных фонда.

Таким образом, обязательные социальные страховые взносы по сути дела заместили налог с оборота (косвенный налог, заменивший акцизы) и выполняют чуть ли не ту же самую функцию в идеологическом плане. А предприниматели хором говорят о непомерной тяжести этого вида налогообложения. Необходимо обязательно оторваться от пуповины, связывающей систему российского обязательного социального страхования с советской системой социального обеспечения, т.е. наемный работник через отчисления от своей заработной платы в фонды обязательного социального страхования должен принимать самое непосредственное участие в их формировании.

В среднем в Европе ставки страховых тарифов по обязательному социальному страхованию, которые платят наемные работники, составляют 10,8%. С учетом того, что у нас чрезвычайно низкая заработная плата, величина ставки для работника могла бы быть в пределах 3–5%. И, соответственно, на эту величину можно было бы уменьшить размер страховых взносов работодателей. И, что не менее важно, с ростом активов будет по-прежнему развиваться система накопительных пенсионных фондов. Как известно, во всем мире они и страховые компании являются самыми надежными источниками «длинных денег».

Очень много проблем в России в сфере регулирования заработной платы. Особенно это касается «тягловой силы, столь необходимой стране для

неоиндустриализации» – инженерно-технических работников, высококвалифицированных рабочих. О степени регулирования заработной платы в стране свидетельствует индекс Кейтца (рассчитывается как соотношение минимальной и средней заработной платы). Как правило, в промышленно развитых странах он составляет 40–50%, наиболее высокие значения он имеет в Италии и Норвегии (более 60%). В России, несмотря на почти двукратный рост МРОТ, индекс Кейтца постоянно снижается и по итогам 2015 г. составил всего 18,6%, что свидетельствует об отсутствии механизмов регулирования заработной платы на всех уровнях управления. Складывается впечатление, что правящую элиту не особо волнуют эти проблемы. Так, топ-менеджеры госкомпаний получают месячную заработную плату в размере от нескольких миллионов рублей до десятка миллионов, что на порядки превышает заработную плату остального персонала.

Из рассмотренных нами моделей социальной политики, а следовательно, и социально-экономических систем в наибольшей степени, на наш взгляд, близка к нам скандинавская модель, а в ее рамках норвежская. Конечно, Россия и Норвегия несопоставимы по численности населения, территории, но та и другая являются северными странами, близки по структуре экономики. Обе страны значительную часть бюджета формируют за счет добычи нефти и газа. И на этой основе созданы резервные фонды. По этой причине обе очень зависят от экспорта, но на этом сходство заканчивается (табл. 1).

Таблица 1

Положение в мире Норвегии и России

Рейтинги	Страны	
	Норвегия	Россия
Индекс процветания, 2015, institute Legatum	1	58
Рейтинг глобальной конкурентоспособности, WEF, Global Competitiveness Report 2014–2015	11	53
Индекс развития человеческого потенциала, 2015, UN, Human Development Report	1	50
Глобальный индекс инноваций, 2015, WIPO, Cornely University,	20	48
Индекс экономической свободы, 2016, Economic Freedom Heritage foundation	32	153
Индекс восприятия коррупции, 2015, Transparency International	5	119

По оценке Н. Антюшиной, страны Северной Европы (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция), реализовавшие скандинавскую модель, – лидеры по уровню социально-экономического развития в Европе. Очень важным является следующее обстоятельство: «...в эпоху высоких технологий эти страны вступили на путь инновационного развития, продолжая поддер-

живать социальную ориентацию, принятую ранее. И это сопровождается усилением их экономических результатов» [7. С. 64].

Здесь хотелось бы обратиться к истории скандинавских стран, а точнее к истории Швеции. Ведь именно она проложила дорогу всем остальным северным странам по пути создания и развития государства всеобщего благоденствия. Именно в Швеции в 1917 г. впервые в мире к власти пришли социал-демократы, сформировав коалиционное правительство вместе с либералами [8. С. 230]. Можно сказать, что это была отправная точка восхождения северных стран Европы к социально-экономическим вершинам.

У В.И. Ленина в одной из работ имеется очень важное замечание по поводу соотношения между политикой и экономикой: «Политика есть концентрированное выражение экономики» [7. С. 278]. На предшествующих страницах дана оценка сложившейся в России социально-экономической системы как несущей в себе достаточно много противоречивого и устаревшего и соответствующая ей модель социальной политики. Но первопричина этого явления, на наш взгляд, лежит в политическом устройстве, абсолютном отсутствии конкуренции в этой сфере. Наглядно раскрывают эту ситуацию данные по представительству политических партий в парламентах обеих стран (табл. 2).

Таблица 2

Распределение мест в парламентах Норвегии и России

Стортинг Норвегии, 2013 г.		Государственная Дума России, 2016 г.	
Политические партии	Кол-во мест	Политические партии	Кол-во мест
Норвежская рабочая партия	55	Справедливая Россия	64
Консервативная партия	48	Либерально-демократическая партия	56
Партия прогресса	29	КПРФ	92
Христианская народная партия	10	Единая Россия	238
Партия центра	10		
Либеральная партия	9		
Социалистическая левая партия	7		
Партия зеленых	1		
Всего	169	Всего	450

В России отсутствие конкуренции в политической сфере не обеспечивает выработку и принятие оптимальных решений в экономической и социальной политике, учитывающих интересы подавляющей массы населения. А вот в Норвегии, как следует из данных второй таблицы, в парламенте представлены основные социальные, профессиональные и прочие страты населения, что создает необходимые условия для разработки и принятия сбалансированных решений. Не менее важно и то, что при такой структуре главного

законодательного органа страны формируется эффективная система контроля и борьбы с коррупцией. Подтверждает этот аргумент место Норвегии в мировом антикоррупционном рейтинге.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Антюшина И.* Северная Европа: формула успеха (североевропейская модель в действии) // *Экономист*. 2014. № 7.
- [2] *Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю. Москвин.* М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
- [3] *Бузгалин А., Колганов А.* Русская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // *Проблемы теории и практики управления*. 2014. № 10.
- [4] *Гринберг Р.* Прагматизм общей экономической теории (по поводу книги Гжежоша Колодко «Куда идет мир: политическая экономия будущего») // *Российский экономический журнал*. 2015. № 2.
- [5] *Дзарасов Р.С., Новоженев А.В.* Крупный бизнес и накопление в современной России. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- [6] *История США / отв. ред. Куропятник Г.П.* Т. 2. М.: Изд-во «Наука», 1985.
- [7] *Ленин В.И.* Еще раз о профсоюзах // *ППС*. Т. 42. М.: Политиздат, 1988.
- [8] *Мелин Я., Юхансон А.В.* История Швеции / Пер. с швед. М.: Весь Мир, 2002.
- [9] Официальный сайт Михаила Делягина. URL: <http://delyagin.ru/citation/39773.html>.
- [10] *Савченко П., Федорова М.* О системном подходе к анализу моделей социальной политики // *Общество и экономика*. 2015. № 7.
- [11] *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. М.: Эксмо, 2015.
- [12] Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://cbsd.gks.ru>.
- [13] *Эрхард Л.* Благосостояние для всех. М.: Дело, 2001.
- [14] *Berg A.G., Osiry J.D.* Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin / IMF Staff Discussion Note, SDN/11/08. Washington, DC: International Monetary Fund, 2011. P. 14–58.
- [15] *Esping-Andersen G.* The Worlds Welfare Capitalism. Cambridge, 1990.

REFERENCES

- [1] *Antjushina I.* Severnaja Evropa: formula uspeha (severoevropskaja model' v dejstvii) // *Jekonomist*. 2014. № 7.
- [2] *Bol'shoj slovar' inostrannyh slov / Sost. A.Ju. Moskvina.* M.: ZAO Centropoligraf, 2007.
- [3] *Buzgalin A., Kolganov A.* Russkaja jekonomicheskaja sistema: specifika otnoshenij sobstvennosti i vnutri korporativnogo upravlenija // *Problemy teorii i praktiki upravlenija*. 2014. № 10.
- [4] *Grinberg R.* Pragmatizm obshhej jekonomicheskoi teorii (po povodu knigi Gzhezhosha Kolodko «Kuda idet mir: politicheskaja jekonomija budushhego») // *Rossijskij jekonomicheskij zhurnal*. 2015. № 2.
- [5] *Dzarasov R.S., Novozhenov A.V.* Krupnyj biznes i nakoplenie v sovremennoj Rossii. M.: Editorial URSS, 2005.
- [6] *Istorija SShA / отв. ред. Куропятник Г.П.* Т. 2. М.: Изд-во «Наука», 1985.
- [7] *Lenin V.I.* Eshhe raz o profsojuzah // *PPS*. Т. 42. М.: Politizdat, 1988.

- [8] *Melin Ja., Juhanson A.V.* Istorija Shvecii / Per. s shved. M.: Ves' Mir, 2002.
- [9] Oficial'nyj sajt Mihaila Deljagina. URL: <http://delyagin.ru/citation/39773.html>.
- [10] *Savchenko P., Fedorova M.* O sistemnom podhode k analizu modelej social'noj politiki // Obshhestvo i jekonomika. 2015. № 7.
- [11] *Stiglic Dzh.* Cena neravenstva. M.: Jeksmo, 2015.
- [12] Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <http://cbsd.gks.ru>.
- [13] *Jerhard L.* Blagosostojanie dlja vseh. M.: Delo, 2001.
- [14] *Berg A.G., Osiry J.D.* Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin / IMF Staff Discussion Note, SDN/11/08. Washington, DC: International Monetary Fund, 2011. P. 14–58.
- [15] *Esping-Andersen G.* The Worlds Welfare Capitalism. Cambridge, 1990.

THE MODEL OF SOCIAL POLICY IN RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS

Vladimir V. Paramonov

Department of Public Administration
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya st., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The model of social policy implemented in the country, is entirely determined by the features of the existing socio-economic system. For countries where the economy is built on the basis of social-democratic approaches, the most characteristic of the Scandinavian model of social policy. In countries with a reduced role of the state in the economy is used residual and institutional types of social policy. Conservative type of social policy is a reflection of the social market economy. Russia doesn't fit in any of these models as its socio-economic system has a rather contradictory structure: features of early and late capitalism, something from the socialist past and you can even find some characteristic features of feudal society. It is a low wage, the highest in the world differentiation of property and income that do not correspond to today's realities, the system of compulsory social insurance.

As a guide may be selected Norway is a country close to Russia in structure of economy, export-dependent, in all other respects they are totally dissimilar. Norway world and European leader in the socio-economic development. According to the author to explain such results is possible only in the presence of normal political competition, thanks to which they take into account the interests of the majority populations.

Key words: socio-economic system, model of social policy. social services, income polarization, political competition.